

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

УДК 070.13 + 141.1 + 001.1(09)

Б. В. Емельянов

ФИЛОСОФИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ХРАНЕНИЯ: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ*

Рассматривается цензурная политика советского государства по отношению к философской литературе: ее запрещение, создание в библиотеках фондов литературы ограниченного хранения (спецхранов).

К л ю ч е в ы е с л о в а: цензура; Главлит; философия; запрещенная литература; спецхран.

Историки философии старшего поколения, в какой бы области истории философской мысли они ни работали, сталкивались с таким явлением советской действительности, как хранение в специальных фондах библиотек классических трудов философов разных времен и народов. Эти хранилища запрещенной литературы назывались «спецхранами», а в менее строгом варианте — ДСП («для служебного пользования»). Свою статью я посвящаю той философской литературе, которая по решению советских цензурных органов оказалась недоступна для большинства исследователей и простых читателей из-за помещения в спецхраны больших библиотек.

Рукописную, а позже и печатную продукцию типографий, не соответствующую идеологии властей и церкви, запрещали всегда и во всех странах, в том числе и в России. В нашем отечестве в начале XVIII в. Петр I официальным указом ввел запрет издавать религиозные книги без цензуры Духовной коллегии. До середины XVIII в. запретительные меры по отношению к неугодной литературе

* Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13-03-00118 а).

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Bve35@yandex.ru).

© Емельянов Б. В., 2015

носили эпизодический характер. Только при Екатерине II начали оформляться правительственные цензурные предписания. Один из ее указов гласил: «Никакие книги сочиняемые или переводимыя в государстве нашем не могут быть издаваемы в какой бы то ни было типографии, без осмотра от одной из ценсур... Никакая книга не может быть ввезена без подобного осмотра, подвергая сожжению те из них, кои найдутся противными Закону Божию, верховной власти или же развращающие нравы» [10, 336]. В XIX в. эти указания были оформлены в несколько законов о цензуре светской и духовной литературы. В каждом из них большое место отводилось запретительным мерам по отношению к философской литературе материалистического, атеистического или социалистического содержания [3, 4].

В XX в. большевики, хотя и утверждали в 5-м пункте программы РСДРП 1903 г. неограниченную свободу совести, слова и печати, уже в первом своем Декрете о печати от 27 октября (9 ноября) 1917 г. вводили запрещение на произведения печати, направленные против революции и ее решений. Правда, запрещение это, согласно декрету, «имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни» [2, 24–25]. Заметим, что ждать этих «нормальных условий» пришлось до 1992 г. На практике цензурная политика советского правительства только ужесточалась: 23 декабря 1918 г. ЦК ВКП (б) в структуре Реввоенсовета образовал цензурный отдел; 21 мая 1919 г. официальный орган правительства Госиздат получил право контролировать издательскую деятельность всех советских учреждений; 12 декабря 1921 г. Совнарком в пункте 9 своего постановления «О частных издательствах» записал: «Каждая отдельная рукопись до отдачи ее в набор должна быть разрешена к печати органами... о чем должно быть обозначено на каждой напечатанной книге» [6, 156]; 6 июня 1922 г. Совнарком своим декретом «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений» учредил Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит). В специальной инструкции Главлита от 22 декабря 1922 г. в пункте «В» цензорам предписывалось не допускать «всякого рода печатных произведений, через которые проводится враждебная нам идеология в основных вопросах (общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, в области искусства и т. д.)» [Там же, 159]. А спустя несколько лет в новом Положении о Главлите, утвержденном Совнаркомом 6 июня 1931 г., появились пункты, которые предписывали: «составление списка запрещенных к изданию и распространению произведений»; «надзор за лекциями» и, наконец, «на всех произведениях печати должна быть разрешительная виза Главлита или его местных органов» [Там же, 160]. Об этом последнем требовании я узнал еще в 70-е гг. и во многих философских книгах обнаружил личный знак цензоров, их разрешавших: в «Кратком философском словаре» (М. : Политиздат, 1952) — А00624; в первом томе «Философской энциклопедии» (М. : Сов. энциклопедия, 1960) — Т11121; в первом томе «Русских просветителей (от Радищева до декабристов)» (М. : Мысль, 1966) — А11611 и т. д. Удивительно, но такие же знаки я видел на обложках школьных тетрадей и открытках.

Составление списков запрещенных цензурой книг не было новацией Главлита. Еще в 1870 г. Министерство внутренних дел распорядилось издать «Алфавитный

каталог книг на русском языке, запрещенных к обращению и перепечатыванию в России». Один из таких списков — «Алфавитный указатель произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» (СПб., 1903), воспроизведенный в 1975 г., содержал 205 запрещенных изданий, среди которых были работы европейских и отечественных философов — Булгакова, Бюхнера, Де-Роберти, Добролюбова, Кетле, Маркса, Милля, Молашотта, Писарева, Плеханова, Спенсера, Толстого, Фоста, Чернышевского [12, 1083–1175].

В советское время такие указатели назывались «Список [иногда — Сводный указатель] книг, подлежащих изъятию из общественных библиотек и книготорговой сети» и на 300–400 страницах содержали несколько сотен имен авторов. В «Списке» 1950 г. было 500 таких имен. Что это были за имена, хорошо показал А. Блюм в своем «Индексе советской цензуры с комментариями». Это произведения Герцена, «Бесы» Достоевского, тома (5, 7, 11, 12, 27, 72) из Полного собрания сочинений Толстого, содержащие его богословские труды; сочинения Добролюбова и Чернышевского; сборники «А. И. Герцен» (Пг., 1920), «Ф. М. Достоевской» (М., 1928), «Спор о Бакуanine и Достоевском» (Пг., 1920), «Л. Толстой» (М., 1928), «Л. Толстой как столп и утверждение поповщины» (М., 1928).

Вполне естественно возникают два вопроса: Какова была судьба запрещенных цензурой книг? И была ли возможность читать такие книги вне общественных библиотек? Точного ответа на первый вопрос нет. Вернее, запрещенные цензурой книги, как правило, уничтожались либо путем сожжения, либо путем переработки в бумажную массу, предназначенную для дальнейшего использования. Но при этом какую-то минимальную часть тиража (2–3 экземпляра) оставляли «для истории», эти экземпляры хранились либо при цензурных учреждениях, либо в фондах больших библиотек. Известно, что при открытии Императорской публичной библиотеки было решено создать по примеру Библиотеки Ватикана специальное («секретное») отделение, как «особое хранилище для всех тех печатных книг и рукописей, которые, по силе законов для цензуры книг изданных, должны скрыты быть от большей части публики, но которые могут находиться в Императорской публичной библиотеке, во-первых, потому, что она есть местиле книг всякого рода; во-вторых, что и запрещенные книги иногда нужны бывают для справок самому правительству» [9, 192–193]. До 1917 г. в этом спецхране находилась запрещенная царской цензурой литература, которая позже составила коллекцию «Вольная русская печать».

В советское время такие спецхраны тоже создавались, но единого государственного указания об их открытии не было. Вместе с тем в 1925 г. Совнарком издал постановление «О порядке снабжения государственных книгохранилищ секретными изданиями». В нем предписывалось снабжать такими изданиями четыре государственных библиотеки страны — Публичную библиотеку им. В. И. Ленина (Москва), Архив Октябрьской революции (Москва), Государственную публичную библиотеку (Ленинград), Библиотеку Комакадемии (Москва). Постепенно такие спецхраны появились в других крупных публичных и университетских библиотеках страны. Их деятельность регламентировалась

многочисленными указами и распоряжениями Главлита, каждый из которых был с грифом «Секретно» или «Для служебного пользования». Многие из них были опубликованы в 1995 г. [8, 107].

Пополнение фондов спецхрана осуществлялось тремя путями: книгами, запрещенными цензурой Главлита; изданиями из-за рубежа (присланными в библиотеки или задержанными на границе), попадающими под цензурный запрет; книгами, которые после чистки фондов библиотек попали в списки запрещенной литературы. Они-то и составляли большую часть фондов спецхрана.

Чистку фондов всех публичных и специальных библиотек в 1918 г. начал Наркомпрос. В 1923 г. при нем был образован Главполитпросвет, возглавляемый Н. К. Крупской, под руководством которой была создана Инструкция о пересмотре книг в составе библиотек. Документ предписывал изымать «контрреволюционную и антихудожественную литературу». В списках литературы, подлежащей изъятию из библиотек, было много произведений как западных философов (Декарта, Канта, Маха, Платона, Спенсера, Шопенгауэра), так и отечественных (В. Соловьева, Бердяева, Булгакова, Лосского) [13, 70]. Инструкция рекомендовала: «...не более двух экземпляров всех изъятых в качестве вредных и контрреволюционных книг должны быть оставлены в центральной библиотеке. Такие книги должны храниться в особо запертых шкафах и выдаваться исключительно для научных и литературных трудов» [7, 137]. Каждая последующая инструкция пополнялась новыми именами философов, чьи книги подлежали изъятию. Так, в Инструкции по пересмотру книг в библиотеках (М.; Л., 1926) в отделах философии и психологии перечислялись имена 40 философов: Декарта, Канта, Платона, Шопенгауэра, Милля, Локка, Ницше, Спинозы, Штирнера, В. Соловьева и их книги «не марксистского содержания», но фамилий Бердяева, Булгакова, Лосского в ней не было.

Эти и последующие чистки библиотек демонстрируют удивительное явление социалистической действительности. Цензура Главлита пропускает в печать книги, считая их соответствующими идеологическим установкам партии и правительства. Но как только эти установки меняются и авторы многих ранее изданных книг подвергаются репрессиям, Главлит превращается в карательный орган и приказывает ранее разрешенные им и уже напечатанные книги из библиотек удалить и уничтожить. Политический диктат партии изменил лицо цензуры, она стала не только органом запрещающим, но и предписывающим что и как печатать. По собственному опыту преподавания знаю, что в книгах и учебниках по истории русской философии запрещалось критиковать русских философов-идеалистов, указывать их имена и названия их произведений, чтобы не вызывать интереса к ним.

Число инструкций по «чистке» книжных фондов от «идеологически невыдержанной и вредной литературы» росло год от года, что в конечном итоге привело к резкому сокращению фондов библиотек. Это наглядно демонстрируют недавно опубликованные документы ЦК партии. Секретарь Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) Ем. Ярославский направил 5 сентября 1932 г. секретарям ЦК ВКП(б) записку, в которой, в частности, констатировал: «Мне стало известно, что почти во всех библиотеках в течение последних двух

лет происходит фактически разгром книжного фонда. Он проводится под флагом “чистки” книжных фондов от всякого рода идеологически невыдержанной и вредной литературы на основе изданной в 1930 г. Общей инструкции НКПроса. Эта инструкция “конкретизирована” отдельными списками ОНО (отделов народного образования. — Б. Е.) и привела к следующим результатам.

Изъята вся антирелигиозная (здесь и далее подчеркнуто автором документа. — Б. Е.) литература, разоблачающая религию на основе естественно-научных данных (вопреки указаниям Ленина широко использовать такую литературу)... вся идеалистическая философская литература, за исключением Канта и Гегеля; работы Спенсера, Зиммеля, Бухарина и др. — по историческому социализму и социологии.

Кроме того, создан закрытый фонд, где книгами может пользоваться только партийный актив и учащиеся комвузов. В этот закрытый фонд перенесены такие книги, как: Розы Люксембург “Накопление капитала”; Гильфердинга “Финансовый капитал”; книги по истории партии: Невского, Керженцева, Ярославского; по экономической политике: Тимирязева, Иоффе; по рефлексологии: Бехтерева, Сеченова, Павлова (академика)...

Некоторые ОНО, например, Гадаутское, дошли до того, что издали инструкцию об изъятии таких книг, как Бебеля, Лассаля, Плеханова “Наши разногласия”, произ [ведения] Маркса и Энгельса, В. Ильича “Развитие капитализма в России”, Сталина “Сборник по национальному вопросу”.

В отдельных библиотеках, в частности, в Ленинграде, изымаются сочин [ения] Маркса и Энгельса, изд. под редакцией Рязанова; а так как во многих библиотеках у нас сейчас никаких других изданий Маркса нет, то это значит, что изымают почти все работы Маркса и Энгельса...» [11, 137]. А член ЦКК заместитель наркома просвещения РСФСР К. А. Мальцев в своем докладе в ЦК ВКП (б) привел немало примеров подобных «чисток»: «Как выяснилось на совещании руководителей этого отдела, изъято свыше 60 % всего книжного фонда. Есть библиотеки, в которых процент изъятия поднимался до 80,90. Корреспонденции из самых разных углов СССР указывают на то, что изымались классики философии, естествознания, изящной литературы и даже революционного марксизма. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Толстой, Тургенев, Гончаров, Диккенс, Гюго, резолюции партсъездов, отчеты съездов Советов, Сеченов, Тимирязев, Хвольсон, Ив. Павлов — уже эти имена “изъятых” сигнализируют о преступности в проведении чистки... В Ленинградской инструкции по отделу “философии” предлагается: идеалистическая философия целиком изымается с открытого абонемена (остаются лишь сочинения Канта и Гегеля). Изымаются работы буржуазных социологов Спенсера, Тарда, М. Ковалевского, Зиммеля. Изымаются Бухарин “Истмат”, Деборин, Корнилов, из отдела — антирелигиозная литература: Каутский “Происхождение христианства” и еще 90 названий книг, которых лично я не знаю, но среди которых много фамилий коммунистов... Получается какой-то садизм воспитательной опеки над читателем...» [Там же, 140]. По поводу приведенных фактов пришлось объясниться министру просвещения А. Бубнову. В конечном итоге Политбюро ЦК ВКП (б) в своем решении «О “чистке” библиотек» от 23 октября 1932 г. постановило:

«Ввиду совершенно недопустимого, по существу антисоветского характера, который приобрела чистка библиотек за последние два года, немедленно прекратить чистку, переводку и перепродажу книг из всех библиотек» [11, 144].

Повальная чистка фондов библиотек с этого времени действительно прекратилась, но изъятие книг по причине их цензурного запрещения Главлитом и соответствующих его распоряжений продолжалось, пополняя тем самым фонды спецхранов. Большую долю запрещенной литературы составили в 30-е гг. труды репрессированных деятелей культуры, ученых, философов. В этом случае за причину принимался персонифицированный мотив: в спецхран направлялись труды русских философов-эмигрантов, книги репрессированных философов и тех из них, в работах которых упоминались репрессированные «враги народа». В первом случае из общего фонда в спецхран переводились книги русских религиозных мыслителей и богословов, изданные до революции (Голубинского, Тареева, Несмелова и др.), и философов, находящихся в добровольной или вынужденной эмиграции, т. е. высланных из России (Бердяева, Карсавина, Ильина, Лосского и др.). К этому разделу относятся и журналы с философскими публикациями, издававшиеся до революции и в эмиграции. Книги многих репрессированных философов повторили судьбу их авторов. Таких книг было много, поскольку в спецхран переводили все их издания, даже те, которые не имели философского содержания. В итоге к 1938 г. «политически вредными» было признано 4966 книг 1606 авторов, что в итоге составило 10 375 706 экземпляров. Инструкция об основных фондах при библиотеках СССР, датированная апрелем 1941 г., подтвердила необходимость изъятия книг репрессированных авторов. В итоге в спецхран попали 180 книг и брошюр Н. Бухарина, собрание сочинений Л. Троцкого, издававшееся в 1926–1927 гг., и все его книги и брошюры, многочисленные книги Л. Каменева. В спецхран отправляли книги философов-коммунистов и «врагов народа», расстрелянных или погибших в лагерях (И. И. Агола, Г. К. Баммеля, Н. И. Бухарина, В. Ваганяна, А. И. Варьяша, Н. А. Карева, И. К. Луппола, В. И. Невского, Д. Б. Рязанова, Н. А. Сетницкого, Г. Г. Шпета, В. А. Юринца и многих других) [5, 105–110]. Так, библиотекой Уральского государственного университета «идеологически устаревшими», согласно очередному письму Главлита, были признаны три книги Е. Ситковского — «Категории марксистской диалектики» (М., 1941), «Об основных чертах марксистского диалектического метода» (М., 1939) и «Философия Ж. Б. Робине» (М., 1936), И. Луппола «Ленин как философ» (М., 1930), В. Варьяша «Логика и диалектика» (М.; Л., 1928). После разоблачения «культы личности Сталина», в годы «оттепели» и особенно в 80–90-е гг. все философы-марксисты были реабилитированы, а их книги, «неправильно задержанные», были возвращены из спецхранов в фонды общего пользования. ЦК КПСС 13 января 1987 г. создал межведомственную комиссию из представителей Главлита, Госкомиздата и Министерства культуры, которая должна была пересмотреть «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» и частично «Список лиц, все произведения которых подлежат изъятию» с целью «реабилитации» их произведений. В результате только с марта 1987 г. по октябрь 1988 г. в общие фонды из спецхрана были возвращены 7930 изданий. Среди них

были книги как эмигрантов первой волны (около 600 имен, среди которых было много философов), так и послевоенных эмигрантов-философов: А. А. Зиновьева, Е. С. Эткинды, Г. Н. Владимова и др.

Наконец, удивительна была судьба книг, попавших в спецхран только потому, что в них встречались фамилии тех, кто был осужден как «враг народа». По распоряжению Главлита их фамилии должны были быть зачеркнуты, а изображения из книг удалены. Например, в спецхране оказалось много книг, в том числе философских, как самого Каменева, так и тех, к которым он писал предисловия, либо их редактировал, либо только в них упоминался. Книга Медведева (т. е. Бахтина) «Формальный метод в литературе» (Л., 1928) попала в спецхран только потому, что в ней в одной из цитат был упомянут Троцкий. А библиотеке Уральского университета пришлось изъять из обращения книгу Л. Н. Когана «Творческая инициатива рабочего класса СССР в социалистическом труде» (Свердловск, 1952), поскольку в ней на 58-й странице была обнаружена ссылка на Берию. Эти примеры можно множить и множить.

История советской цензуры, обстоятельства «чистки» фондов библиотек и история их спецхранов в последние годы стали объектом изучения. Появилось несколько работ в основном общего характера. Приведем лишь некоторые из них: *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб., 2000; *Глазков М. Н.* Цензура общедоступных библиотечных фондов в России в 1930-е — начале 1940-х гг. М., 2007; *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002, *Лютлова К. В.* Спецхран библиотеки Академии наук. СПб., 1999. Работ, посвященных именно цензуре и специальному хранению книг научного и особенно философского содержания, нет. Хотя это одна из печальных страниц существования немарксистской философии в эпоху тотального преследования. Хочется надеяться, что эта небольшая статья обратит внимание на цензуру философской литературы и ее специальное хранение в закрытых фондах библиотек в советское время как на значительную исследовательскую проблему.

1. *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003.

2. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

3. *Емельянов Б. В.* Цензура философской литературы в России: от века Серебряного к веку железному // Вестн. Мурм. гос. техн. ун-та. 2010. Т. 13, № 2. С. 342–348.

4. *Емельянов Б. В.* Цензурная судьба русской философии // Емельянов Б. В. Политические судьбы русской философии. Екатеринбург, 2011. С. 5–30.

5. *Емельянов Б. В.* Расстрелянная философия. Список погибших русских философов (1917–1953) // Емельянов Б. В. Политические судьбы русской философии. Екатеринбург, 2011. С. 105–110.

6. *Красногоров В.* Гласность и безгласность. Заметки по истории отечественной цензуры // Нева. 1990. № 3. С. 146–165.

7. Красный библиотекарь (М.). 1924. № 1 (4).

8. На подступах к спецхрану : тр. Межрегион. науч.-практ. конф. «Свобода научной информации и охрана государственной тайны». СПб., 1995.

-
9. Описание торжественного открытия Императорской публичной библиотеки, бывшего 2 января 1814 г. СПб., 1814.
 10. Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. 24.
 11. «Садизм воспитательной опеки над читателем» // Источник. 1996. № 4.
 12. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Ч. 9 : Приложения. М., 1971.
 13. Социалистический вестник. 1924. № 9.

Статья поступила в редакцию 15.06.2015 г.